

Вячеслав Семинин

СТИХОТВОРЕНИЯ 60-х ГОДОВ

ПАМЯТИ ХЕМНГУЭЯ

Встряхнулась, трюхи горни -
Европа.

Пресснулась, очнотела

бред и ад...

В барах с зампанским -

враг и брат -

нашедки метину
на дне яхонит окна.

Могли - в поле, в лесу...

В них - идеалы и знамя.

- Довольно мудрить!

Пускай нас взоут
исток сознания.

Мы - дни,

мы - изиду войнам,

как стон ползучей воды

и пугливость разбойная

замученных сиротных рек...

Как марши бравые

и серенады сирен

над скрещенными городами -

мы между дымами

кровями -

славный

сигаретный дым.

Давайте плыть -

никого не касаясь,

никому не мешая,

оглябая угли

изменчивой лентой...

Зачем развенчивать, зачем венчать? -

нам вечно будет молчать

застенчивая

дрозов, индигента.

Вино Испании — и легко-легко...

Пускай другие любили меня! —

нам это вострано,

как бой близов

бессмысленно

и необходимо.

Мудрый —

увидел, постиг:

все просто, как смут —

не бобы, не громы Соимы —

простой дроздовит...

.....

Но неубитое — травомно ридит,

нам жизнь пророчит скелет сутулый.

И пусть добытое

из невозможных глубин —

неразборчивые — сохрут акулы...

1961

XX ВЕК. МЕЛЗОВИНАЯ ЕВРОПА

эпос ощущений в джазовой обработке

/труба под сурдинку/

Едва обозначится

новый неуверенный день,

как снова прячется,

смятый желанием вечера.

Плывет и тоскует

нервная лень

в музыке раскачивается,

как дни

навстречу...

98.

/саксофон/

Мы танцуем тангуем
в дансингах и кабаках
мы токуем...

/ударники/

Барона.
Крась, дура нерасторопная,
прости-просто-подстелка сметан,
пропущенная сзади и спереди.
Между восемнадцатым и тридцать девятым
кура старая - чистить перья.

/весь оркестр/

Тебе не удержать нас - мы просачиваемся,
мы безилые - в твои метки.
В этой жизни едва обозначился -
истекаем желанием смерти.

Серой примесью в воздухе улиц длинных,
бархатясь в мостовых, как в сетях,
мы боимся
Москвы и Берлина,
мы боимся себя.

/скрипки/

- Милый,
если ничего нет, то ничего и не надо,
это значит, что все уже найдено.
Милый,
жизнь - это агитпункт смерти,
а любовь - предвыборные обещания.
Пусть политика! -
ведь это наша косметика.

Обернемся,
нам осталось - актерство.
Занавешивай душу,
милый, ответный,
обернись,

как оконная кровь — миллионным чеком.
Персеиды в Петра,
прячься, маленькая Франческа!

/аккордесн/

Хорошая штука танк,
он похож на твоего папу с сигарой и одышкой.
И автомат — не то что трость и бант,
он очень подойдет тебе — этот дурацкий коротыш-
ка.

1961.

ЖИВОЕ МЕРТВОЕ

Колокола гудят,
колокола галдят,
облака обволакивают колокола.
Как пламя, медь тепла,
отделанно, канонно —
повисом плывет колокольная.
Симфония! Софокл!
Как эпос, властный лад —
колокола гудят,
трепещут стекла.

Внизу толпа — по тротуарам,
по гастрономам-ритуалам,
по лужам, по съестным делам...
Колокола глядят,
колокола галдят,
на проходе слетаются
колокола.

Когда-то толпы к ним валялись,
когда-то им поклонны били...

Колокола плывут,
колокола режут,
звездам жалуются колокола.

/00.

индустриальный пейзаж.

Кусты-нигилисты

из-под плака

уперлись

в штабеля -

доски косят в воспоминаниях,

мечтают про нас,

в росе, в слезах...

Они еще нахнут деревом,

они

уже не дерево,

ах!..

Пулково плавают в осени,

Пулково плавится в осени,

висит

и по капле стекает в меня.

Всего и осталось от Пулково -

я.

Плавая в осени.

И только пузыри из омута аэродромного -

всплывают, всплывают самолеты.

Им невесомости бы - как мне в осени,

ревёт насыщенность:

не существовать!..

Лука,-

бабьего лета коже -

синева с облаками в обнимку -

мой охурел лениво поделили -

плывет в осени...

Зеленая суетность и желтая опасность,

сосуществовать праздники - осень.

И нету внутренних речей,

мое отречение - осени.

И в губах — прелый листочек,
как лето, гаснут слова.
Осень — легкая очи,
всех страстей синева.

1964

х х х

...И тетрадь моя — старая дева.
Тетрадь — мое левое дело:
плохо ласкаю, мало в руках держу,
мало пишу, мало живу...

Я самоусмиритель,
хочется быть честной,
хочется ангелом быть, без черт.
Я совместитель.

Делетант в труде и лени,
летает
справа налево.

Как стыдно жить у себя в сетях,
и просто жить бывает стыдно.
Раскрыть себя? Закрывать себя?
А кому это видно?

Плывут, светясь,
мечты высокие:
выжить бы все-таки,
дожить бы все-таки
до себя...

1964

МУЗЫКА ГОЩЕХ

Грему
страсть вечную,
хожу

/ 23.

по городу вечером -

когда фонари глazeют,
когда струится в дебрях сплн
вечерние газели -
со мной сивуку глаз расцять.
Всех
иснован зелень.

И чтоб мокрый асфальт,
и чтоб Росси ансамбль!..

И люблю этот мир,
как этот город.
Мечтатель, свадебный маньяк.
Смета

осиновое горе,
они струятся сквозь меня.
Я двоеженец -
мир и город!

А Крым, а Рим? - гарем в ногам!
Вселенная,
я моногам!

Меня любят люди,
меня надо любить -
душой ласкаю, легкой ланной,
в себя впускаю - душу пить,
я не жосякну -
льните, люди!

Будьте как я -
не покажете,
буньте как я -
не разжираете!..

Жизнь моя непечатная!
Сдла моя непечатная! -

скажу в себе, лечу в себе,
несу

 пречистый сакет небес —

и настоящий —

среди казенщины казенной

 и гонимой ледашки,

мы не понять, ведь я земной,
а потому и город — мой,
и звезды — легкий посвист мой,
над городом летящий.

Как семь хлебов пришел делить:
патайтесь, агитцы,

 мир, делись!

По перлам ибра, молью выделенным —
над прахом душ — чудной, невиданной
струится век — и черт, и брат,
вторым пришествием чреват.

Слетят, чтоб души закрепили
в ракетно-ядерной купели!

С каких небес, в какой ночи
музыка времени
 прозвучит?..

Мы сами музыка —
 только уши иметь,
только души иметь!

Слетим себе — над веком сила,
мы все — Христос. Катись, мессия!..

...Качусь, качусь! —
и все-таки свечусь!

Свечусь — а окна вслед вносят,
блуждающей тьмой Неву пугают —
мои убийцы мирно спят,

не ведая,
что убивает.

О, загнанные за подоконники,
когда-нибудь познакомятся!..

...Ночь. Вдох ностов, как в миг зачатъя,
тишайший вышний поцелуй.
Кому взойти? Кому зацахнуть?
Лицине быть или лицу?..

1964

х х х

Весенний день, как все надежды,
пролился свыше

весенний час,
мы лица — люди,
мы все те же,
но
осуществились лишь сейчас.

Осуществленная весна,
я на снегу, как на весах,
все анбо, радужно,
все радостно.

Бульвары шурятся,
карие, как Антон,
и небо музает антенны.

Весна рабочим днем обложена,
век хан, непаден, восоглаз.
Но
все равно

еще
раз
дожили!

А сколько весел нам осталось?...
И сивозь усталость
осуществляюсь.

1965.

ПЕРВАЯ СТОЛИЦА

Матери городов
русских.

Это — Киев —
снится ли,

купонами возникнув,
как в теплом небе званая звезда?
Над Словутичем всыхивает.

Это Киев.

Через мост, из России,

как молитвы, текут псызда.

Это быль. Это миф.

Праздник возникновения.

У славян над рекой безмянной слетело со струн:
— ЭТО КИЕВ...

Замерев на игновенье:

— ЭТО ДНЕПР...

И последний аккорд:

— ЭТО РУСЬ.

Линь — назвать.

К счастью ли?

Это — к Началу.

Потекут ли века

по слезам-по дымам...

Видели,

как отсюда вся Русь растекалась
пронимлять — за столицами,

бородами — на север, в туман.

Что так много столиц!

Покоси вековые.

197.

Не остановиться, не забыть суэты...

Это -

Киев.

Это мать городов,

родина стран и святынь.

Что дума! -

полярна, где лучше,

и об изрожденный век усмирять -

потянется

на днепровскую кручу,

как князья из Москвы

приходили сюда умирать.

1970